

О визуальных источниках по истории движения Алаш

Дина А. Аманжолова

Институт российской истории РАН (Москва, Россия)

Автор для корреспонденции
E-mail:
amanzholova19@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1684-2785>
DOI: 10.32523/2616-7255-2022-138-1-25-39

Аннотация. Автор рассматривает накопленный в последние десятилетия массив фотографий как ценный визуальный источник для дополнительного изучения истории движения Алаш. С учетом имеющейся историографии «визуального поворота» в гуманитарном знании обращается внимание на значение и особенности использования данного вида источника в исторических исследованиях. Визуальные образы-сообщения имеют хороший потенциал, поскольку содержат денотативный и коннотативный слои коммуникации. Отмечаются междисциплинарный характер таких работ, повышенный интерес общества к визуализации истории Алаш. Использование фотографий и других образных свидетельств рассматривается как дополнение и средство более глубокого понимания прошлого лишь при включении в социальный, политический и культурный контекст. Подчеркивается также необходимость применения такого способа формирования зримых представлений о былом с опорой на основополагающие теоретические подходы и методические инструменты. Автор обращает внимание на использование визуальных артефактов с учетом сведений и наработок специалистов по истории техники, в т.ч. фотографии, кино, изобразительного искусства в целом. Основное внимание уделяется комплексу фотографий, собранных в иллюстративных изданиях Б. Мурсалима. На основе их анализа предлагаются подходы к классификации, введению в исторический контекст и интерпретации документальных фотографий как средства дополнения и иллюстрации в научном исследовании. Выделяются основные результаты и недостатки в визуализации истории Алаш посредством фотографий.

Ключевые слова: история; движение Алаш; визуализация; источник; фотография; интерпретация.

1. Введение

Современность предоставляет новые возможности и подсказывает новые способы для анализа и лучшего понимания многих исторических сюжетов, событий и персоналий. Это отчетливо проявляется в растущем интересе исследователей к тому, что определяется как визуальная культура в качестве всего созданного человеком. Междисциплинарность, ставшая также потребностью и почти обязательным

условием изучения прошлого, все чаще предполагает использование в историческом анализе зримых образов, воплощенных в разных документальных и художественных форматах (рисунок, фото, карикатура, плакат, живопись, кино, декоративно-прикладное искусство и др.). Особое внимание уделяется визуальной антропологии [1, 2, 3], при этом для историков визуальные источники все же остаются дополнительным средством, помогающим буквально увидеть разные проявления былого, некоторые особенности

социальных иерархий и коммуникаций вообще, конкретизировать приметы времени, уточнить хронотопы и персональные «вклады» в те или иные процессы. Свою роль играет и стремление к популяризации исторического знания, которое для современника, погруженного в бесконечно подвижный и изменчивый мир наглядного настоящего, становится более интересным и понятным именно через зримые образы. Но иллюстрирование в рамках просвещения и образования, маркетингового продвижения готовящихся к реализации проектов нередко не облегчает, а может подменять и ограничивать процесс познания и понимания. Принципиальное значение имеет поэтому профессиональный подход к использованию визуальных артефактов как дополнительных средств, призванных в комплексе с другими видами источников способствовать лучшему осмыслению прошлого, а потому требующих анализа соотношения изображения и исторической реальности.

2. Материалы и методы

История Алаш сегодня прочно встроена в историческое сознание казахстанского общества, к тому же персонализация прошлого как один из важнейших трендов современной массовой культуры активно способствует особой популярности и эмоциональной чувствительности всего, что относится к Алаш. Визуализация истории движения на документальной основе приобрела популярность в последние десятилетия, став отражением общих тенденций в современной исторической науке и ответом на потребности ее популяризации, трансляции знания о прошлом в разные социальные группы, что обусловило активный поиск и публикацию имеющихся артефактов. Практически они ограничиваются фотографиями конца XIX – начала XX вв., что вполне закономерно. Кроме того, конкретную образность истории движения придают сохранившиеся редкие кинохроники, сооружения, так или иначе связанные с ней, схемы и карты, предметы

быта и техники того периода. Их дополняют всевозможные практики коммеморации – музеи (Семей, Жамбейты, Алматы), разнообразные скульптурные и живописные произведения, документальные и популярные фильмы.

Как и все источники, они требуют источниковедческого анализа и верификации. Так, в Омске находится французская кинохроника, включающая кадры встречи колчаковских частей с союзниками с участием казахских кавалеристов в охране атамана А.И. Дутова. Год съемки не установлен. Б. Абдыгали считает, что она производилась в Семипалатинске, однако, судя по кадрам, где на протяжении 9-12-й секунд на фоне весьма внушительных зданий запечатлены около 10 всадников в казахской одежде, сопровождающих автомобиль, они сделаны в столице Степного края и центре колчаковского правительства – Омске. Скорее всего, мы имеем дело с соединением двух эпизодов, поскольку на последующих кадрах запечатлен уже проходивший на окраине города смотр частей А.В. Колчаком и союзниками в честь предоставления членами Антанты некой поддержки антибольшевистским силам. Здесь вслед за православным духовенством, окропляющим строй святой водой, командованием и офицерами следует свита и, в частности, два представителя казахского отряда [4]. Однако никаких документальных свидетельств тому, что А.В. Колчак и союзники были в Семипалатинске, до сих пор не существует. Известно лишь о поездке на Семиреченский фронт с 12 по 22 октября 1918 г. командира Степного Сибирского корпуса генерал-майора Матковского. В этой поездке участвовал представитель Антанты Ч. Элиот, который 14 октября в Семипалатинске провел в том числе смотр с участием 2 эскадронов конного полка Алаш-Орды без оружия и в российском обмундировании, с погонями, при русских офицерах, и гарнизон города [5]. Эти данные никак не согласуются с тем, что мы видим на кинохронике.

По поводу самой хроники, запечатлевшей казахских всадников при А.И. Дутове, стоит

заметить, что атаман (в 1917 г. он стал главой Всероссийского союза казаков) подходил к сотрудничеству с алашевцами весьма прагматично. Он считал возможным создание алашских частей только на подчиненной территории вдали от степи и под руководством русских офицеров, при полном невмешательстве Алаш-Орды в их жизнь. «Бывшие до сего времени формирования этого условия не придерживались, и мне пришлось разоружить оба полка», - писал он в мае 1919 г., и «мы ничем не ограждены от нанесения ударов нам со стороны инородцев». Атаман указывал: «главенствующими родами» Алаш-Орды «другие роды уничтожаются, разоряются и преследуются». Наряду с восстанием джигитов в декабре 1918 г., для умирения которых Ж. Досмухамедов был вынужден прибегнуть к помощи уральских казаков, разделением самой Алаш-Орды на 2 части, это говорило о ее непрочности. Дабы «себя укрепить навсегда», Дутов предлагал улучшить снабжение населения продовольствием и ширпотребом, организовать орошение и водоснабжение, «открыть почту и телеграф, основать города и меновые дворы. Усилить школы. Выделить государственный элемент и его наградить халатами, оружием, чинами и орденами, тогда будем иметь в степи надежных лиц» [6, 7].

Впрочем, основным визуальным источником по истории Алаш является фотография. Являясь документальным, такой источник позволяет создавать более эмоциональное представление, наполняя восприятие образа-концепта дополнительными, более понятными и «очеловеченными» характеристиками. Особенно заметно это в распространившихся в последние годы среди энтузиастов популяризации истории Алаш попытках колоризации фотоснимков начала XX века. Весьма важно в данной связи следующее замечание: «Среда, в которой мы живем, все больше становится коммуникационной, то есть такой, где важную роль играют образы и символы, а не письменное слово. В отличие от мира письменного языка, этот визуальный мир

– иконичен, и он требует новой искусности и экспертных иерархий, которые не дублируют иерархии писаного слова» [8, с. 36]. Нетрудно заметить, что в случае с визуализацией истории Алаш через фотографии, которые нередко воспринимаются как некая иконография движения, претензии на новую искусность и экспертные иерархии предъявляют прежде всего и в основном краеведы, блогеры, журналисты и разнообразные любители экзальтации и мифологизации недалекого прошлого.

К тому же анализ фотографии как текста («мир - это текст»), подразумевающий критическое прочтение и деконструкцию его содержания, позволяет совместить познание через такое проявление реальности с эмоцией, которую рождает форма, культурным кодом воспринимаемого образа и его коммуникативной функцией. Встраивание образа, а именно фотографии, в научный, образовательный или просветительский текст используется и как дополнение, и как иллюстрация. Однако методы реконструкции и интерпретации образа на основе визуальных источников выдвигают на первый план не рациональное, а чувственное восприятие прошлого, несмотря на его познавательный потенциал. Это заметно отражается на языке исторического описания, когда научная точность все больше сопровождается литературной образностью. Основными методами изучения визуальных исторических источников служат источниковедческий и историко-антропологический анализ, проблемно-хронологический, сравнительный, конструктивистский, методы классификации, систематизации и типологизации.

3. Обсуждение

Основные проблемы и подходы к изучению фотографии как исторического источника достаточно основательно проанализировала З.М. Рубина. Она отмечает, что исследование фотографии в отечественной гуманитарной сфере – относительно новое явление, которое прежде всего происходило

в рамках архивоведения. Поворот и даже прорыв в изучении этого вида источников произошел с 1990-х гг., но пока недостаточно учитывается связь фотографии с другими видами искусства, сохраняются проблемы доступности и атрибуции фотографического наследия, незнания истории фотографии, ориентация на сюжеты и явления лишь политической истории при обращении к такому виду источников и др.

Применительно к истории Алаш ценными представляются ее замечания о важности знания и понимания контекста, а также о значении постановочной фотографии как одного из самых распространенных и традиционных приемов создания фотоизображения [9]. Именно в тот период, на который приходится формирование движения и разнообразная деятельность его представителей, постановка была, как она пишет, сложившимся, выработавшим свои методы художественно-выразительным средством, широко применявшимся фоторепортерами всего мира. Не случайно практически все известные фотографии, так или иначе погружающие нас в историю Алаш, являются постановочными. Для историка фотография является источником, ее возможная функция как произведения искусства не является первостепенной в анализе.

Впрочем, в отношении истории движения Алаш эта стадия пока не наступила. Метафоричность и эмоциональность описания сюжетов редко совмещается со строгим, объективным анализом визуальных артефактов, большей частью профессиональные исследователи лишь иллюстрируют свои работы, не вдаваясь в специфику и смысл таких источников. Конструирование коллективного образа алашевцев в современной историографии пока не подразумевает анализ фото свидетельств. В настоящее время, между тем, накопилось немало всевозможных публикаций, прежде всего посвященных тем или иным персонажам, в которых размещены фотографические артефакты. Они имеют

разное происхождение, связанное, как правило, с разысканиями историков в архивах или личными коллекциями потомков представителей Алаш, которые предоставляют их в пользование публикаторам либо включаются в биографические издания самих наследников.

К примеру, Ж.У. Кыдыралина в книге «Алимхан Ермеков» поместила фотографии и два снимка из рукописных воспоминаний своего героя, предоставленные семьей Ермековых, несколько снимков документов, выявленных в архивах, а также фотографии без указания их происхождения [10]. К сожалению, все они имеют иллюстративное назначение и не сопровождаются источниковедческим анализом либо содержательной интерпретацией. Точно так же поступили составители сборника о М. Тынышпаеве - его потомки Д.М. Шейх-Али (Тынышпаев) и А.Д. Шейх-Али (Тынышпаев) [11]. Ценность публикации 11 снимков одного из лидеров Алаш, относящихся к 1907, 1913, 1920-1930-м гг., как и членов его семьи, определяется их включением в общественный оборот. В сборник вошли также снимки двух его живописных портретов работы У. Турсынбека и А. Бухарбаева, а также фотографии ныне живущих потомков Тынышпаева.

4. Результаты

В любом случае фотография как документальное изображение предоставляет возможности для более детальной интерпретации исторической реальности, но может и исказить ее, что требует специального внимания в контексте вопросов идеологии, идентичности и др. Представители разных социальных групп сегодня по-разному воспринимают визуальные источники, что связано с актуальной политикой формирования исторической памяти, а также учетом или игнорированием культурного, социального, политического контекста, непосредственных интересов и возможностей заказчиков и фотомастеров и др. В частности, следует

иметь в виду, что к началу XX в. фотография приобрела большую популярность, о чем свидетельствуют в том числе фотоснимки студентов – будущих лидеров и участников движения Алаш, обучавшихся в столице и крупнейших городах России. Очевидец писал в 1910 году: «... в районе Невского проспекта в фотоателье выстраивались очереди...». В 1913 г. только в Санкт-Петербурге по адресной книге значилось более 150 фотомастеров. Цены на фотографии были достаточно высокие: в столице в 1905-1910 гг. глянцевые снимки стоили от 2 руб. за 12 визиток (формат 6,5 на 10 см), от 4 руб. за 12 фото кабинетов (11 на 17 см), матовые на пластине того же формата - от 3,5 руб., от 7 руб. – за 12 снимков кабинетного формата. В художественных салонах было дороже, самые дорогие снимки были у известного мастера Карла Буллы. Именно у него сделан известный фотопортрет А. Букейханова 1906 г. Для сравнения: стоимость обычного ржаного батона составляла 4 коп., 1 кг макарон - 20 коп. Средние зарплаты позволяют уточнить уровень обеспеченности запечатлевших себя на снимках в начале прошлого столетия будущих деятелей Алаш: рабочие на заводах в провинции имели зарплаты до 15 руб. в месяц, в Москве и Санкт-Петербурге до 30 руб., квалифицированные рабочие получали до 50 руб. [12].

Хорошую возможность для визуальной репрезентации истории Алаш дает научно-популярный фотоальбом «Алашорда» в двух изданиях [13]. Большинство из 375 фотографий альбома представляют собой индивидуальные или коллективные постановочные портреты, некоторые демонстрируют отдельные эпизоды из деловой и политической жизни алашординцев, а также семейные снимки разных лет. Все они не являются любительскими, а выполнены на заказ, что вполне объяснимо – в те годы фотоаппаратура была весьма дорогой, ее производство еще не было массовым, чтобы стать частью бытовой техники даже в обеспеченных семьях.

Фотографии сопровождаются предисловием М. Койгельдиева, а также пояснительными текстами об истории

движения в соответствии с 5-ю хронологически структурированными разделами на казахском, русском и английском языках, которым даны характерные заголовки, призванные усилить эмоциональную направленность издания: «Рассвет», «Проснись, казах!», «Алашская автономия», «Советский период», «Тюремный путь». Составитель снабдил альбом списком членов движения Алаш, перечнем архивов, коллекций потомков и историков, предоставивших источники, а также использованных интернет-сайтов, с указанием номеров фотографий. В издание включены также снимки современных памятников и мемориальных мест по истории Алаш.

Избранный для систематизации подход дает возможность читателям проследить основные этапы развития движения Алаш в их образной форме. В частности, в первом разделе привлекают внимание фотопортреты студентов – будущих участников Алаш, а также близких к ним, в том числе учившихся в разных городах девушек, в т.ч. отдельные коллективные фотографии (выпускники и студенты Казанского университета – казахи) [13, с. 25]. Большинство молодых людей снялись в форменной одежде [13, с. 16-30], за исключением М. Дулатова в тубетейке [13, с. 30], правда, без датировки снимка. Как правило, фотографии студентов - типичные постановочные портреты. Молодые люди заказывали снимки в студенческой форме, очевидно, не только для личного пользования, а более всего для родителей и близких людей. Такие фотографии наглядно подтверждали социальный успех и повышали престиж всей семьи, тем более что лишь небольшая часть казахского общества могла воспользоваться шансом на получение высшего образования и последующую карьеру.

Надо иметь в виду, что многим будущим алашординцам повезло лучшие для каждого студенческие времена провести в условиях бурных общественных дискуссий, укрепления рыночной экономики, технических изобретений, становления земства и лучших качеств российской интеллигенции,

уникальных открытий великих ученых, преподававших в университетах страны и создавших атмосферу уважения общества и власти к науке. Амбициозные студенты той поры считали неприличным не быть в курсе научных новаций, не интересоваться политикой, не участвовать в общественной деятельности (подготовка и обсуждение рефератов, демонстрации, сбор подписей и пожертвований, журналистика и пр.). Быстрая капиталистическая модернизация со всеми ее успехами и проблемами, особенно в традиционных культурах, какой была и казахская, наряду с нараставшей политизацией общественной жизни, ростом противоборства власти и оппозиции, популярность социалистических идей и благородной борьбы за народные нужды, интеллектуальное общение со сверстниками и преподавателями, постоянное чтение и осмысление новейших произведений великих писателей, художественные новинки (реалисты-передвижники, модернисты,

кинематограф и т.д.) – все это создавало уникальный и благодатный культурный контекст. Он неумолимо втягивал в свое поле будущих лидеров движения. Огромную роль сыграло вовлечение молодежи, в частности А. Букейханова, в деятельность РГО – здесь сложилась целая плеяда замечательных ученых и общественных деятелей разных национальностей (вспомним хотя бы бурята Ц. Жамцарано).

Характерные приметы устремленности к тому, чтобы успешно пройти карьерный путь, открывавшийся перед выпускниками столичных вузов, содержит портрет Х. Досмухамедова в мундире студента Санкт-Петербургской военно-медицинской академии с саблей, где он обучался в 1903-1909-е гг. [13, с. 30].

Между тем представить настроения блестящего молодого человека, выглядящего вполне удовлетворенным своим положением, помогает его письмо, направленное в 1904 г. Губайдулле Бердееву, обучавшемуся в ветеринарном институте в Казани. Халел не только описал свои настроения, но и весьма конкретно оценил состояние общества и собственное понимание его основных проблем: «После долгой городской душевной жизни, наша степь произвела на меня чарующее впечатление. Вид знакомых кибиток, приезд в свой дорогой аул, встреча родных, почтение посторонних – все это производит неотразимое впечатление и свидетельствует о превосходстве степняков над цивилизованными. Когда подумаешь, что кроме тебя, десятки или даже сотни киргизов получают высшее образование, то приходишь к заключению, что и этот народ способен к труду, к прогрессу, что и он, может быть, когда-нибудь займет в мировом господстве одно из высоких мест... Так теснят и давят и наш безсильный и пока невежественный народ, отнимают у него земли, добытыя кровью от Татар, Башкир, Калмыков и отстоянные ценою бесчисленных жизней от воров и разбойников-казаков раздают их крестьянам, новым культуртрегерам нашего народа.

...В таком же духе действует наша степная администрация, распространяющая в степи

кляузы, сутяжничество и партийные вражды. У кормила правления, по несчастному стечению обстоятельств, вот уже несколько лет стоят люди жестокие, безнравственные, без жалости и любви к народу, грабящие народ, попирающие его самые священные чувства – религию. ...

Да, брат, все это очень волнует сердце. Один ты поймешь меня, и посочувствуешь мне. Подумай, нельзя ли что-нибудь сделать, чтобы управителем назначили Адаевца Ужека (получившего 19 шаров) или Давлешумбета (11 шаров), а то управителем, вероятно, будет подлец Джумагул из компании Юлдузовых, и будет опять стонать народ под его игом». Основная часть послания написана на русском языке. В «совершенно секретном» сообщении начальника охранного отделения Санкт-Петербурга в Департамент полиции по Особому отделу по поводу перлюстрированного письма (перлюстрация была обычной практикой) указан адрес проживания Х. Досмухамедова в столице, а также отмечено: «Неблагоприятных сведений, могущих компрометировать его политическую благонадежность, в Отделение, до возобновления настоящей переписки, не поступало» [14, с. 60-61, 62].

Несколько снимков в альбоме относятся к участию казахских депутатов в Государственной Думе двух первых созывов (1906-1907 гг.). Западническая направленность основных идей Алаш, которую обосновал А. Букейханов, зримо подтверждается фотографиями лидеров движения вместе с их сторонниками: всегда одетые как вполне интегрированные в общероссийскую интеллигентную среду, они тем не менее комфортно чувствуют себя среди единомышленников в национальных одеяниях [13, с. 121-123]. Среди лидеров Алаш лишь фото М. Чокаева 1937 года в Париже в европейском костюме подчеркивает его сознательную этническую идентификацию, которую призвана демонстрировать тибетейка [13, с. 98]. Причем если для упомянутого выше М. Дулатова национальный головной убор был естественным повседневным атрибутом, то Чокаев использовал его именно для

демонстрации своей приверженности национальной культуре, в том числе, очевидно, в доходившей так или иначе землякам информации. Остальных руководителей движения мы видим только в европейском одеянии.

К примеру, на фото 121 А. Букейханов находится в 1918 г. в кругу товарищей – семипалатинских интеллигентов. Это была высшая точка в политической истории движения, когда действовало правительство Алашской автономии, возглавляемое Букейхановым. В 1918 году состоялось соглашение алашординцев с В.И. Лениным и И.В. Сталиным, вскоре прерванное, были приняты знаковые решения Алаш-Орды о функционировании автономии, сложился альянс с антисоветскими силами, осенью на известном Уфимском совещании было принято решение о преобразовании Уильского Оляята в Западное отделение Алаш-Орды и непреложности для нее решений центра (Алаш-Орда в Семипалатинске, г. Алаш) и др. важные события.

На снимке, который, вероятно, сделан весной или летом, А. Букейханов и Р. Марсеков сидят центре, закинув нога на ногу, в европейской одежде, остальные полностью или частично в национальных костюмах. При этом Букейханов в центре без пиджака в белой рубашке с модным воротником апаш и редкими по тем временам и малодоступными простому человеку часами на запястье выглядит как очевидный лидер по происхождению и неформальному авторитету – он в кругу друзей, вальяжный, уверенный в себе, целеустремленный. Доверительно взяв под локоть Турагула Абая (1875-1934), он демонстрирует дружеское отношение к близкому ему по духу и возрасту сыну великого Абая [13, с. 121]. Впрочем, все персонажи на снимке позами, взглядами, расположением рук олицетворяют взаимопонимание, общий позитивный коммуникативный багаж и солидарную устремленность к задуманному. Следует полагать, что в расположении участников съемки фотомастер не участвовал, поскольку

оно служит свидетельством традиционной этносоциальной иерархии. Стандартный задний план в городском ателье, очевидно, воспринимался ими вполне рутинно, как и Букейхановым, неоднократно снимавшимся в столичных мастерских, в деловой обстановке и на отдыхе.

Показательно также фото Г. Беремжанова, М. Дулатова и А. Юсупова в Ташкенте уже в советское время, в 1921 году. Этот период отмечен активной научной, просветительской и журналистской деятельностью находившихся в Ташкенте алашординцев.

Друзья в узбекских халатах и тюбетейках изображены сидящими за чаепитием в традиционных позах. Постановочный характер подтверждают как характерный для ателье занавес с бахромой и ковер с пейзажем на заднем плане, так и статичные позы героев [13, с. 154].

Семейные фотоматериалы открывают завесу над повседневной жизнью участников движения, помогают представить их быт и досуг, а также отражают отношение к этнической самоидентификации и степень проникновения российских/европейских

стандартов культуры в ее прикладном понимании. Так, если жена Ж. Акпаева снялась в нарядной национальной одежде, жена Р. Марсекова – в повседневной, то супруга М. Дулатова на снимке, сделанном в ателье Омска в 1914 г., предстает как светская дама, одетая по последней моде (см. фото

ниже). В альбом включены аналогичные фото М.Тынышпаева с первой женой [13, с. 164-165, 167, 173], Ж. Досмухамедова с женой на отдыхе в Крыму в 1929 г. [13, с. 179-181]. Эти фотографии опровергают указания некоторых авторов на репрессии в отношении Ж. Досмухамедова с 1928 года. Известно, что в ноябре 1927 г. он переехал в Кзыл-Орду, где работал юрисконсультom Казахского сельскохозяйственного банка и ЦСНХ, в 1929 г. перешел в Животноводсоюз юрисконсультom, а затем переехал в новую столицу республики – Алма-Ату. В ноябре 1929 г. он был уволен из Животноводсоюза и вернулся в Ташкент, откуда, судя по датировке снимка, ездил с супругой на отдых в Крым. В марте 1930 г. переехал в Москву. Здесь активную помощь ему оказал свояк, заместитель председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулов. Благодаря ему Ж. Досмухамедов работал старшим экономистом в Центральном правлении общества «Скотовод» и получил двухкомнатную квартиру в Хавско-Шаболовском жилмассиве.

Переходный характер образа жизни и уровня укорененности господствовавшей в обеспеченных социальных группах российского и советского общества повседневной культуры отражают снимки детей в одежде, совмещавшей элементы европейского и национального костюмов. Показателен в этом плане и снимок Ж.

Досмухамедова с женой вместе с его братом Г. Досмухамедовым и его дочерью. Он сделан в 1920 г. в Джамбейты после перехода лидера Западного отделения Алашорды на сторону советской власти. Контраст между обликом Жаханши и его супруги в модных европейских одеяниях и братом вместе со стоящей рядом его дочерью, одетыми в обычные национальные платья, возник, скорее всего, без всякого умысла. Для обеих пар их одежда была обычной, отражая статусные различия, видимо, воспринимавшиеся как должные [13, с. 178].

Семейные фотографии Дулатовых, Тынышпаевых, Асфендиаровых и других представителей казахской интеллигенции из данного альбома в целом свидетельствуют о достаточно высоком социальном положении и хорошем материальном обеспечении героев вплоть до конца 1920-х гг. Контрастными выглядят фотография А. Букейханова в аскетичной обстановке московской квартиры и постановочные фотопортреты его дочери с супругом, демонстрирующие внешнее и эмоциональное благополучие [13, с. 174, 177, 204-206, 275].

Трагическую часть, завершившую историю Алаш, как и других политических деятелей разных народов СССР в 1930-е гг., отражают фотографии последнего раздела. Многие из них были сделаны в дни ареста и заключения и выявлены в архивах. Наряду с фотографиями ордеров на арест и обыск, приговоров, обложек уголовных дел эти документы свидетельствуют о жестоком преображении подвергнутых тяжким испытаниям представителей национальной интеллигенции накануне их гибели.

К сожалению, не все фотографии в альбоме атрибутированы и описаны должным образом. Так, портрет А. Букейханова 1906 года (мастер К. Булла) сопровождается подписью: «Председатель Алаш-Орды – правительства Алашской автономии. Петербург, 1906 год», - хотя общеизвестно, что главой Алаш-Орды он стал в конце 1917 г. [13, с. 95]. В текстах об истории движения опубликованные фотографии не комментируются и не

анализируются. Нет указаний, какие из этих снимков вводятся в оборот впервые. Не все представленные в альбоме персонажи были прямо связаны с движением Алаш (фото С. Асфендиарова с супругой). Такой расширительный подход объясняется, очевидно, стремлением составителя показать более широкий круг новой образованной элиты, формировавшейся в начале XX в.

Аналогичным образом составлен Б. Мурсалимом и альбом «Войска Алашской автономии» [15]. Следует сказать, что на деле полноценной армии Алаш не существовало по объективным причинам – нехватка средств и оружия, крайний дефицит обученных военных кадров среди казахов, военная, политическая и финансовая зависимость от партнеров по антисоветской борьбе и их недоверие к националам, нежелание большинства населения воевать, подчиненность сформированных с трудом алашских отрядов и частей командованию армии Комуча, атаманов А.И. Дутова и Б.В. Анненкова, в конечном счете влившихся в состав армии А.В. Колчака. Тем не менее историкам удалось реконструировать основные эпизоды военной истории движения Алаш. Опубликованные в сборнике портреты повторяют включенные в альбом «Алашорда». К ним добавлены фотографии знаковых мест, зданий, некоторых документов периода гражданской войны, представителей антисоветских правительств, с которыми сотрудничали алашординцы, выдержки из некоторых документов и периодических изданий, фотографии типичных видов оружия. Как сказано во вступительном слове, сборник не претендует «на научное исследование в полном смысле этого слова» [15, с. 4]. Он не содержит аналитического материала, но наполняет визуальным контентом важную часть военно-политической истории национального движения. Недостатки издания аналогичны имеющимся в альбоме «Алашорда».

К сожалению, это отражается на понимании исторической реальности и ее интерпретации. К примеру, хорошо

сохранившаяся известная фотография знатных казахов Младшего жуза, сделанная в студии П.Л. Полякова в Уральске в 1901 г. и хранящаяся в историко-краеведческом музее Западно-Казахстанской области, кратко подписана: «Западные алашординцы» [15, с. 184].

Между тем все персонажи на ней известны: это старший султан Чингирлауской волости Андижан Жубанышулы, старшина волости Соналы Мухамеджан (Акшолок) Сарыкожаулы, внук Сырыма Датулы Омар Казыулы, помощник начальника Уральского уезда Ержан Шолакулы, также учащиеся Уральского войскового реального училища Сабыржан Сарыгожин и Молданияз Бекимов [16]. Не ясно, кто из них действительно был участником движения Алаш спустя 17 лет, в годы гражданской войны. Составителю стоило бы это выяснить и уточнить в комментарии к снимку.

5. Заключение

Итак, к настоящему времени в распоряжении историков имеется массив документальных фотоисточников по истории Алаш, которые потенциально составляют ценную дополнительную часть для более глубокого понимания событий, персонажей, причин и последствий политической

деятельности казахской демократической общественности в конце XIX - начале XX вв. Как правило, в исследованиях и популярных изданиях используются повторяющиеся и уже известные с 1990-х гг. снимки, главным образом представляющие собой постановочные индивидуальные и коллективные портреты исключительно как иллюстративный ряд. Персонализация истории Алаш усиливается, при этом введенные в оборот и публичное пространство фотоснимки отражают способы презентации персонажей – участников Алаш - в той форме и тех событий, которые они считали наиболее приемлемыми для частных или общественных целей. В настоящее время они служат способом репрезентации под влиянием времени, состояния памяти, эмоционального и других факторов при восприятии информации, что чаще всего используется для вполне конкретных целей авторами этих репрезентаций. Ценную часть выявленного наследия составляют немногочисленные фотодокументы, касающиеся повседневной и семейной жизни алашевцев. Пока имеется крайне мало фотосвидетельств непосредственной деятельности участников движения в годы революций, восстания 1916 года, взаимодействия с различными военно-политическими структурами в 1917-1920 гг. Наличный фонд фотографий по истории

Алаш подтверждает транзит субъектности элитарной части казахского общества к модерности, в ходе которого утверждается новый тип идентичности (от религиозной к светской, от традиционной кочевой культуры к модерной – ориентированной на открытость миру, западный/российский вектор организации социально-политической жизни, от аграрной к урбанистической, от этнической к гражданской).

Тем не менее постепенно фонд визуальных материалов по истории движения Алаш пополняется за счет выявления в различных архивах, причем данное направление поиска следует активно развивать, а также введения в оборот сохранившегося семейного наследия потомков участников движения и некоторых других источников. Все еще недостаточно изучены в этом плане редкие периодические издания, особенно местные. К анализу фотографий как средства визуализации истории Алаш должны присоединяться киноматериалы, схемы, карты, рисунки и пр. источники, которые еще предстоит выявить.

Одной из важных задач для реализации «визуального поворота» в исследовании истории движения Алаш является актуализация внимания историков на междисциплинарном анализе фотографий и других артефактов в контексте подходов и методов, предлагаемых в кросс-культурной антропологии, этнографии, культурологии и других социально-гуманитарных дисциплинах. Не менее значимым

представляется и использование сведений и наработок специалистов по истории техники, в т.ч. фотографии, кино, изобразительного искусства в целом. Отдельным направлением исследования, в т.ч. сравнительного, является новейший визуальный компонент в практиках мемориализации и политике формирования исторической памяти об Алаш в современном обществе.

Вывод И.А. Головнева о том, что в России визуальная антропология находится в процессе спорадического, неорганизованного развития [17, с.7], можно отнести и к Казахстану, где процесс находится на самой начальной стадии, прежде всего в отношении ее использования в исторических исследованиях. Ценно методологически и его замечание о двух слоях коммуникации через визуальные образы-сообщения: денотативном и коннотативном [17, с. 13].

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта ИРН AP08857194 «Визуальная антропология и история образов казахстанской культуры XIX - нач. XXI вв.: эволюция и обретение субъектности» (ЖТН AP08857194 «XIX - XXI ғ.ғ. басындағы қазақстандық бейнелердің тарихы мен визуалды антропологиясы: эволюциясы мен субъектінің қалыптасуы»; IRN AP08857194 «Visual anthropology and the history of images of Kazakhstan culture in XIX - XXI centuries: evolution and gaining of agency»).

Список литературы

- 1 Александров Е.В. Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии / Е.В. Александров. – Москва: Пенаты, 2003. – 98 с.
- 2 Форум: Визуальная антропология // Антропологический форум. – 2007. – № 7. – С. 7–108.
- 3 Утехин И. Что такое визуальная антропология: путеводитель по классике этнографического кино. – Санкт-Петербург: Порядок слов, 2018. – 352 с.
- 4 Историк нашел видео о «казахских телохранителях» Дутова. [Электрон. ресурс]. – 2021. – URL: https://rus.azattyq.org/a/alash-kazakhskie-telohraniteli-atamana-dutova/27416592.html?fbclid=IwAR0pyFsP-9bWXfQINhtxGIgUt0tWOzi0C71Kkko_ukzOPEmNVLr15mOsTG8 (дата обращения: 24.07.2021).
- 5 Российский государственный военный архив (далее РГВА). Ф. 39498. Оп. 1. Д. 13с. Л. 3-4.

- 6 Сибирская речь (Омск). 1919. 13 апреля.
- 7 Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф.1701. Оп.1. Д.6в. Л.166-167.
- 8 Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство, религия, церковь. – 2012. – № 2 (30). – С. 21–51.
- 9 Рубинина З.М. Проблемы исследования фотографии как визуального источника // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей. – Москва, 2019. – С. 758-774.
- 10 Кыдыралина Ж.У. Алимхан Ермаков / Ж.У. Кыдыралина. – Алматы: ТОО «Литера-М», 2012. – 320 с.
- 11 Тынышпаев М. Воспоминания, документы, фотографии / М. Тынышпаев. – Алматы: «Томирис-21», 2017. – 128 с.
- 12 Дорогое удовольствие: сколько стоило сделать фотографию в конце XIX века и в середине XX в России. [Электрон. ресурс]. – 2021. – URL: <https://businessman.ru/post/dorogoe-udovolstvie-skolko-stoilod-sdelat-fotografiyu-v-kontse-xix-veka-i-v-seredine-hh-v-rossii.html> (дата обращения: 22.07.2021).
- 13 Мұрсалим Б. Алашорда: Фотоальбом. Өңделіп, толықтырылған екінші басылымы. / Б. Мұрсалим. – Алматы: «Орхон» Баспа үйі, 2012. – 304 б.
- 14 Россия и Центральная Азия. Конец XIX – начало XX века: Сборник документов и материалов. – Москва: Новый хронограф, 2017. – 592 с.
- 15 Мурсалим Б.С. Войска Алашской автономии / Б.С. Мурсалим. – Алматы: Издательство «Баспа-Сөз», 2015. – 220 с.
- 16 Фотографы дореволюционного Уралья. 2020. 18 ноября. [Электрон. ресурс]. – 2021. – URL: https://vk.com/wall-190389240_684 (дата обращения: 23.07.2021).
- 17 Головнев И.А. Теории и практики советского этнографического кино 1920-1930-х гг. Автореф. дисс. ...докт. ист. наук: 07.00.07 – Этнография, этнология, антропология. – Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2021. – 41 с.

Дина А. Аманжолова

Ресей Ғылым Академиясының Ресей тарихының институты, Мәскеу, Ресей

Алаш қозғалысының тарихы жөніндегі көзбен шолу көздері туралы

Аңдатпа. Автор соңғы онжылдықта жинақталған фотосуреттер топтамасын Алаш қозғалысының тарихын қосымша зерделеу үшін құнды көрнекі дереккөз ретінде қарастырады. Гуманитарлық білімдегі «көрнекі бұрылыс» тарихнамасын ескере отырып, тарихи зерттеулерде дереккөздің осы түрін қолданудың маңызы мен ерекшеліктеріне назар аударылады. Визуалды бейнелер-қатынас әлеуеті жоғары қамтиды, өйткені денотативный және коннотативный қабаттар коммуникация. Мұндай жұмыстардың пәнаралық сипаты, Алаш тарихын визуализациялауға қоғамның жоғары қызығушылығы байқалады. Фотосуреттер мен басқа да бейнелі дәлелдерді қолдану әлеуметтік, саяси және мәдени контекстке енген кезде ғана өткенді тереңірек түсінудің толықтырушысы және құралы ретінде қарастырылады. Сондай-ақ, іргелі теориялық тәсілдер мен әдістемелік құралдарға сүйене отырып, бұрынғы туралы көрнекі идеяларды қалыптастырудың осы әдісін қолдану қажеттілігі атап өтілді. Автор техника тарихы, оның ішінде фотография, кино, бейнелеу өнері бойынша мамандардың мәліметтері мен жетістіктерін ескере отырып, визуалды артефактілерді пайдалануға назар аударады. Б. Мурсалимнің иллюстрациялық басылымдарында жиналған фотосуреттер кешеніне баса назар аударылады. Оларды талдау негізінде ғылыми зерттеулерде толықтыру және иллюстрациялау құралы ретінде деректі фотосуреттерді жіктеу, тарихи контекстке енгізу және түсіндіру тәсілдері ұсынылады. Алаш тарихын фотосуреттер арқылы визуализациялаудағы негізгі нәтижелер мен кемшіліктер атап көрсетілген.

Түйін сөздер: Тарих; Алаш қозғалысы; визуализация; дереккөз; фотосурет; интерпретация.

Dina A. Amanzholova

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

About visual sources on the history of the Alash movement

Abstract. The author considers the array of photographs accumulated in recent decades as a valuable visual source for additional study of the history of the Alash movement. Visual images-messages have a good potential, since they contain denotative and connotative layers of communication. The interdisciplinary nature of such works, the increased interest of society in visualizing the history of Alash is noted. The use of photographs and other figurative evidence is considered as an addition and a means of a deeper understanding of the past only when included in the social, political, and cultural context. The necessity of using such a method of forming visible representations of the history based on fundamental theoretical approaches and methodological tools is also emphasized. The author draws attention to the use of visual artifacts, considering the information and developments of specialists in the history of technology, including photography, cinema, fine art in general. The main attention is paid to the complex of photographs collected in the illustrative publications of B. Mursalim. Based on the analysis of a complex of photographs, concentrated mainly in a few illustrative publications, approaches to classification, introduction to the historical context and interpretation of documentary photographs as a means of supplementing and illustrating in scientific research are proposed. The main results and shortcomings in the visualization of the history of Alash through photographs are highlighted.

Keywords: History; Alash movement; visualization; source; photography; interpretation.

References

- 1 Aleksandrov E.V. Oput rassmotreniya teoreticheskikh i metodologicheskikh problem vizualnoy antropologii. [The experience of considering theoretical and methodological problems of visual anthropology] (Penatu, Moscow, 2003, 98 p.), [in Russian].
- 2 Forum: Vizualnaya antropologiya [Forum: Visual Anthropology], Antropologicheskii forum [Anthropological forum], 2007. No.7. P. 7-18. [in Russian].
- 3 Utekhin I. Chto takoe vizualnaya antropologiya: putevoditely po klassike etnograficheskogo kino [What is Visual Anthropology: a guide to the classics of ethnographic cinema] (Poryadok slov, Sankt-Peterburg, 2018, 352 p.), [in Russian].
- 4 Istorik naschel video o "kazakhskikh telokhraniteliakh" Dutova [Historian found a video about Dutov's «Kazakh bodyguards». Available at: https://rus.azattyq.org/a/alash-kazakhskie-telokhraniteli-atamana-dutova/27416592.html?fbclid=IwAR0pyFsP9bWXfQINhtxGIgUt0tWOzi0C71Kkko_ukzOPEmNVLrI5mOsTG8, [in Russian]. (accessed 24.07.2021).
- 5 Rossiyskiy gosudarstvennuy voennuy arkhiv [Russian State Military Archive] (dalee RGVA). F. 39498. Op. 1. D. 13s. L. 3-4, [in Russian].
- 6 Sibirskaya rech (Omsk). [Siberian speech]. 1919. No.13. P. 04, [in Russian].
- 7 Gosudarstvennuy arkhiv Rossiyskoy Federatii [State Archive of the Russian Federation] (dalee GA RF). F.1701. Op.1. D.6v. L.166-167, [in Russian].
- 8 Terner B. Religiya v postsekulyarnom obschestve [Religion in a post-secular society], Gosudarstvo, religiya, cerkov [State, religion, Church], 2012. No.2 (30). P. 21-52, [in Russian].
- 9 Rubinina Z.M. Problemu issledovaniyan fotografii kak vizualnogo istochnika [Problems of studying photography as a visual source], Roly izibrazitelnykh istochnikov v informatcionnom obespechenii istoricheskoy nauki: sbornik statey [The role of visual sources in the information support of historical science], Moscow. 2019. P. 758-774, [in Russian].
- 10 Kuduralina Zh.U. Alimkhan Ermekeov [Alimkhan Ermekeov], (TOO Litera-M, Almaty, 2012, 320 p.), [in Russian].
- 11 Tunuschpaev M. Vospominaniya, dokumentu, fotografii [Memories, documents, photos], ("Tomiris-21", Almaty, 2017, 128 p.), [in Russian].
- 12 Dorogoe udovol'stvie: skol'ko stoilo sdelat' fotografiyu v konce XIX veka i v seredine HKH v Rossii [Expensive pleasure: how much did it cost to take a photo at the end of the XIX century and in the middle of the

X in Russia]. Available at: <https://businessman.ru/post/dorogoe-udovolstvie-skolko-stoilo-sdelat-fotografiyu-v-kontse-xix-veka-i-v-seredine-hh-v-rossii.html>, [in Russian]. (accessed 07.22.2021).

13 Alashorda. Fotoalbum [Alashorda. Photo album. The second edition is published in full] (“Orkhon, Almaty, 2021, 304 p.) [in Kazakh, Russian, English].

14 Rossiya i Centralnaya Aziya. Konec XIX – nachalo XX veka: sbornik dokumentov i materialov [Russia and Central Asia. The end of the XIX-beginning of the XX century: A collection of documents and materials] (Novyy khronograf, Moscow, 2017, 592 p.), [in Russian].

15 Mursalim B.S. Voyska Alaschskoy avtonomii [Troops of the Alash Autonomy] (Izdatelstvo “Baspasoz”, Almaty, 2015, 220 p.), [in Kazakh, Russian, English].

16 Fotografy dorevolucionnogo Uralyska [Photographers of pre-revolutionary Uralsk]. 2020. 11. 18. Available at: https://vk.com/wall-190389240_684, [in Russian]. (accessed 23.07.2021).

17 Golovnev I.A. Teorii i praktiki sovetskogo etnograficheskogo kino 1920-1930-kh gg. Doct.diss. [Theories and practices of Soviet ethnographic cinema of the 1920s-1930s.] (Moscow, 2021, 41 p.), [in Russian].

Сведения об авторе:

Аманжолова Дина Ахметжановна – доктор исторических наук, профессор, ВНС Института российской истории РАН, Москва, Россия.

Amanzholova Dina Akhmetzhanovna – Doctor of History, Professor, Leading Researcher, Institute of Russian History of RAS, Moscow, Russia.